

Е. Е. Дмитриева

КРЫМ КАК МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО У ГОГОЛЯ

Честно говоря, Гоголь плохо вписывается в традицию русской литературы, поэтически осваивавшей пространство Тавриды как родину духа, русский фрагмент греческого топоса и проч. В этом смысле, как и во многих других, он не обнаруживает близости ни к Пушкину, ни к кому-либо из его современников. Не случайно немногие попытки Гоголя литературно описать Крым сводятся к лапидарным, почти банальным формулам, в которых он, даже при переработке остального текста, почти ничего не менял.

Так, в статье «О Пушкине», написанной для «Арабесок», говоря о южном опыте Пушкина, так характерно отразившемся в его поэзии, Гоголь дважды почти тавтологически повторяет формулу «крымские ночи» (вариант — «великолепные крымские ночи»): «Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии и *великолепными крымскими ночами и садами*. Может быть, оттого и в своих творениях он жарче и пламеннее там, где душа его коснулась юга. На них он невольно означил всю силу свою, и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и *ночами Крыма*, имели чудную, магическую силу...»¹ (Здесь и далее курсив мой. — Е. Д.)

В рецензии 1842 г. на альманах «Утренняя заря» Гоголь чуть ли не единственный раз называет Крым именем Тавриды — на тот момент более точным исторически и вместе с тем поэтическим его

---

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.], 1952. Т. 8. С. 51. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

именем: «Что до стихов, то читатель, верно, остановится над „Любовью мертвеца“ Лермонтова, „Дорожную думою“ князя Вяземского. Кроме того, мелькают в „Утренней заре“ имена Кольцова, Бенедиктова, графа Соллогуба, Кукольника. Но зачем рассказывать, что в ней читатель найдет? Пусть лучше разносится этот блестящий мотылек по всем концам России и светло поздравляет с Новым годом всех от Камчатки до берегов Тавриды» (VIII, 211).

Отметим, что и в том, и в другом случае Крым выступает у Гоголя как граница, пограничная зона, будь то географическая, как в рецензии 1842 г. (и тогда Крым (Таврида) легко рифмуется с Камчаткой), или мифопоэтическая, берущая на себя функции источника особого рода поэзии (и тогда Крым рифмуется с Кавказом; ср. строки, предшествующие в статье «О Пушкине» выше цитированным: «Судьба как нарочно забросила его туда, где границы России отличаются резкою, величавою характерностью; где гладкая неизмеримость России перерывается подоблачными горами и обвеивается югом» — VIII, 51). Однако к этому сюжету мы вернемся чуть позже.

В жизни Гоголя тоже было два крымских эпизода, один свершившийся (1835), другой несвершившийся (1850—1851), которые (опять-таки в отличие от Пушкина) никакой заметной роли для его творческой мысли не сыграли. Первый из них, даже наоборот, словно оборвал возможность дальнейшего разворачивания «крымского текста» в художественном творчестве Гоголя, ограничив его самым первым циклом «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Известно, что в июне 1835 г. Гоголь отправился из Васильевки в Крым, где и пребывал до середины июля. До этого, около 1 мая 1835 г., он взял отпуск в Петербургском университете и Патриотическом институте — для поездки на четыре месяца в Кавказскую губернию «для лечения»². Но на Кавказ он не попал, а ограничился поездкой в Васильевку и Крым. Путешествие это предварило сочинение иронической кантаты, которую Гоголь, как следует из мемуаров³, «беспрестанно тянул» в течение нескольких вечеров.

² Манн Ю. Гоголь: Труды и дни: 1809—1845. М., 2004. С. 337. См. также письмо Гоголя Г. А. Фон-Шверину, датированное концом апреля 1835 г.

³ См.: Анненков П. В. Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года // Гоголь в вос-

Кантата была создана для прославления будущего предполагаемого путешествия в Крым, до нас дошли две строки:

И с Матреной наш Яким
Потянулся прямо в Крым⁴.

Из гоголевских писем этого времени к друзьям очевидно, что, как и было сказано Гоголем в официальном заявлении на отпуск, цель его поездки в Крым была преимущественно лечебная. «Сижу дома на перепутье около недели уже, — пишет он Н. Я. Прокоповичу, — не зная, куда лучше ехать — на Кавказ или в Крым, где ныне славятся минеральные грязи и купальни в море. Из Москвы никак не мог писать: был страшно захлопотан и при всем том многих не видел» (X, 365; письмо от 24 мая 1835 г.).

Впрочем, в чуть более позднем письме к Г. И. Спасскому из Васильевки в Перекоп от 1 июня 1835 г. Гоголь, хотя и пишет о поездке в Крым как о несостоявшейся, все же расширяет ее мотивировку. Помимо лечебных дел он упоминает также причины и познавательного характера (отправиться «за следами татарскими и древних козаков»), а попутно, словно безотносительно к своему все же намечающемуся, как мы знаем, путешествию в Крым, называет еще и причину коммерческую: продать в Крыму сало, хлеб и иное из «хозяйственных произведений», которые на Полтавщине продать трудно. «Я чуть-чуть было не побывал сам в Перекопе и в Крыму южном за минеральными гря-

---

поминаниях современников. М., 1952. С. 257. Впрочем, сам Анненков относит данное двестише к началу 1836 г., что несколько нарушает хронологию.

⁴ Яким Нимченко — крепостной Гоголей-Яновских, который был отправлен с Гоголем в Петербург в качестве его слуги. Матрена — с 1832 г. жена Якима (см.: Манн Ю. Гоголь: Труды и дни. С. 150, 272). Отметим попутно, что прием возведения слуг в ранг литературных героев вообще был характерен для раннего Гоголя. Ср. в «Страшной мести» финальные строки о слепом бандуристе, поющем песни о «Хоме и Яреме и сткляре Стокозе», где под именем Стокоза выведен еще один гоголевский слуга (дядька), бывший с ним в период его обучения в Нежинской гимназии (см.: Дмитриева Е. Тайное и явное паломничество в Иерусалим Николая Гоголя, «Путь из Парижа в Иерусалим» Рене Франсуа Шатобриана и проблема идеального города // Страницы истории русской литературы: К семидесятилетию профессора Валентина Ивановича Коровина: Сб. статей. М., 2001. С. 273; раздел: «Об одной неизвестной шутке Гоголя (в порядке авторефутации)»).

зями и следами татарскими и древних козаков, но куча домашних забот можно сказать схватила меня за горло и не пускала. <...> Управившись немного с хлопотами, теперь читаю старые рукописи, которых удалось выкопать изрядный запасец, всё большей частью относящийся к малоросс<ийской> истории. <...> Да, кстати я имею к вам небольшую просьбу, в которой уверен, что вы по благосклонности своей ко мне не откажете. Я намерен отправить подводы за солью, которой в наших местах вообще недостаток и дорого продается. Сделайте милость, уведомите меня о ценах и какую и где выгоднее брать увед<омите>. Да еще прошу вас, уведомите, что выгоднее повесть в Крым на продажу из хозяйственных произведений, как-то хлеб, сало и прочее и прочее. Здесь такое безденежье и такая невозможность продать, какой я никогда еще не помню несмотря на все неурожаи прошедшие. Известием об этом меня крайне обяжете» (X, 367).

Уже после своего возвращения из Крыма в Васильевку, собираясь далее в Киев, Гоголь в письме к И. И. Срезневскому от 11 июля 1835 г. упоминает о Крыме опять лапидарно: «Эти же три недели, которые остаются мне, я намерен отдохнуть после поездки моей в Крым, где странствовал для здоровья и для того, чтобы повидать его» (X, 368).

Увенчивает же этот сюжет иронически-индифферентное сообщение Жуковскому о том, что был в Крыму, «где пачкался в минеральных грязях»: «Все почти мною изведено и узнано, только на Кавказе не был, куда именно хотел направить путь. Проклятых денег не стало и на половину вояжа. Был только в Крыму, где пачкался в минеральных грязях. Впрочем здоровье, кажется, уже от одних переездов поправилось. Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество, так что если бы не жаркое лето, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьев. Но жар вдыхает страшную лень, и только десятая доля положена на бумагу и жаждет быть прочтенною Вам» (X, 369; письмо от 15 июля 1835 г.). При этом очевидно, что замыслы, о которых Гоголь писал Жуковскому, собственно с Крымом связаны не были.

Следующий «крымский эпизод» относится к 1850–1851 гг., когда Гоголь хотел поехать в Крым, но так и не поехал. Любопытно, что в этом виртуальном, несвершившемся путешествии Крым выступает

паллиативом уже не Кавказа (как это было в первом эпизоде), но Италии и, в частности, Ниццы. Впрочем, в реальности он оказывается таким же недостижимым, как и Ницца. История этой несостоявшейся поездки в Крым вкратце такова.

Как следует из дневника О. М. Бодянского, встречавшегося с Гоголем 12 мая 1850 г., идея крымской поездки возникла у Гоголя уже весной: «Перед отходом спросил я, где он хочет провести лето?..

— Мне хотелось бы пробраться в Малороссию свою, потом на осень воротиться к вам, зиму провести где-либо потеплее, а на весну снова к вам.

— Что же, вам худо у нас этой зимой?

— И очень. Я зяб страшно, хотя первый год чувствовал себя очень хорошо.

— По мне, если не хотите выезжать за границу, *лучше всего в Крыму*.

— *Правда, и я собираюсь попытаться это сделать в следующую зиму.* <...> За границу мне бы не хотелось, тем более, что там нет уже тех людей, к которым я привык: все они разбежались.

— Но если придется вам непременно ехать туда, разумеется, снова в Рим?

— Нет, там в последнее время было для меня уже холодновато, скорее всего в Неаполь; в нем проводил бы я зиму, а на лето по-прежнему убирался бы куда-нибудь на север, на воды или к морю. Купанье морское мне очень хорошо»⁵.

Летом 1850 г., находясь в Васильевке, Гоголь сообщает А. П. Толстому о двух возможных вариантах намечающихся маршрутов — либо за граница, либо Крым: «Если паче чаяния не выеду из Одессы за границу, а *поворочу в южный Крым*, то увидимся раньше. Но во всяком случае вернее то, что в Москве буду весной. Впрочем, все будет так, как распорядится Бог. До 15 числа сентября адресуйте в Полтаву, а после в Одессу» (XIV, 202; письмо от 20 августа 1850 г.).

В начале зимы 1850 г., уже находясь в Одессе, Гоголь более определенно планирует поездку именно в Крым и даже зовет туда

⁵ Бодянский О. М. Из Дневников // Гоголь в воспоминаниях современников. С. 430–431.

А. О. Смирнову: «Зима здесь в этом году особенно благоприятна. Временами солнце глянет так радостно, так по-южному! так вдруг и напомнимся кусочек Ниццы! *Не прожить ли следующую зиму в Крыму? Ведь Крым отталкивает только тем, что нет людей. Но если соберемся человека два-три, вы да я, да еще кто-нибудь, право, этого будет довольно.* Мы ведь люди уже старые, что нам за рауты? Ведь старики, по-настоящему, должны только глядеть друг на друга да благодарить Бога за все, — за то, что прожили до этих пор и что глядят друг на друга» (XIV, 218; письмо от 23 декабря 1850 г.).

С этим письмом перекликаются и слова М. И. Гоголь, приведенные Г. П. Данилевским: «Мы его с прошлой осени ждали на всю зиму в деревню, — сказала мне мать Гоголя, — *он сперва думал ехать в Крым, хотя говорил, что Крым прелесть, но без людей там — тоска.* Зимой он почти никогда не жил в деревне. <...> Он это объяснял тем, что в деревне в ненастную погоду он более хворает, чем в городе. Ему каждый день были нужны прогулки, и он предпочитал Москву, где все дома просторнее и теплее и где для прогулок пешком устроены хорошие тротуары»⁶.

Не уехав в Крым зимой, но вместо того вернувшись в Москву, летом 1851 г. Гоголь, узнавший о предстоящей свадьбе сестры, пишет о желании приехать в Васильевку и оттуда затем отправиться в Крым, но тут же объясняет невозможность этого предприятия отсутствием денег: «Хотел бы очень приехать если не к свадьбе, то через недели две после свадьбы — но плохи мои обстоятельства. Не устроил дел своих так, чтобы иметь средства прожить эту зиму в Крыму (проезд не по карману, платить за квартиру и стол тоже не по силам), и поневоле должен остаться в Москве» (XIV, 242; письмо к А. В. и Е. В. Гоголь, июль 1851 г.).

Чуть более искреннее желание слышится в письме к матери, хотя и оно заканчивается констатацией того, что поездка в Крым невозможна: «Рад бы лететь к вам, *со страхом думаю о зиме. Крым мне нужен.* Здоровье мое сызнава не так хорошо, и, кажется, я сам причиною. Желая хоть что-нибудь приготовить к печати, я усилил труды

⁶ Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем: Из литературных воспоминаний // Гоголь в воспоминаниях современников. С. 457.

и чрез это не только не ускорил дела, но и отдалил еще года, может быть, на два. Бедная моя голова! Доктора говорят, что надо ее оставить в покое. <...> *На поездку мою в Крым мало имею надежды. Один было мой знакомый хотел подвезти в своем экипаже и на своих издержках, но теперь оказывается, что он едет день и ночь, спешит так, что, если бы я вас и увидел, то на две минуты»* (XIV, 245, 247; письмо от 2 сентября 1851 г.). А в отправленном в тот же день письме к сестре Гоголь еще отчетливее говорит о невозможности поездки: «Ты, кажется, нехорошо прочла мое письмо, там столько было всяких условий. Если поеду в Крым, если достану денег и если отыщу подержанную дешевую колясочку. Видишь ли, сколько всяких если. Что ж делать, нужно снизойти и к моему затруднительному положению и быть терпеливу» (XIV, 247).

О том же он сообщает и А. С. и У. Г. Данилевским в письме, написанном не ранее июля и не позднее 18 сентября 1851 г.: «Душевно бы рад был обнять вас обоих лично, но не знаю, как это сделать, позволят ли всякие обстоятельства приехать в Малороссию. С одной стороны, здоровье (которое опять стало плохо) требует переезда хоть в Крым, с другой — есть много причин, не дающих сделать этот переезд» (XIV, 248). Лишь 18 сентября, получив известие о болезни матери, до того колебавшийся Гоголь принял решение ехать на родину, а точнее, в Крым, но так, чтобы заехать и в Васильевку, навестить мать и, возможно, попасть на свадьбу к сестре. «Сейчас только что получил письмо ваше, бесценнейшая моя матушка. Обстоятельства мои, может быть, еще так устроятся, что я попаду к вам 1-го октября, проездом в Крым», — пишет он М. И. Гоголь (XIV, 249). Однако четыре дня спустя в посланном вдогонку письме проскальзывают опять если не ноты сомнения, то, во всяком случае, подспудное желание, чтобы родственники на его приезд не слишком рассчитывали: «Я, чтоб и вас утешить, решил ехать сам, но вы никак не останавливайтесь с днем свадьбы и меня не ждите. Мне нельзя скоро ехать. Нервы мои так расколебались от нерешительности, ехать или не ехать, что езда моя будет нескорая; даже опасаясь, чтобы она не расстроила меня еще более. Притом я на вас только взгляну и поскорее в Крым, а потому вы, пожалуста, меня не удерживайте. В Мало-

россии остаться зиму для меня еще тяжелей, чем в Москве. Я захандрю и впаду в ипохондрию. Мне необходим такой климат, где бы я мог всякий день прогуливат<ься>. В Москве, по крайней мере, теплы и велики дома, есть тротуары и улицы» (XIV, 250–252; письмо от 22 сентября 1851 г.).

Далее происходит уже хорошо известное: доехав до Калуги и посетив Оптину пустынь, Гоголь почувствовал себя больным и, опасаясь расхвораться в дороге, решил вернуться в Москву⁷. В осенних письмах родным и знакомым, касаясь несостоявшейся поездки в Крым, он вновь возвращается к исходной мотивировке (отсутствие денежных средств). Но к ней добавляется новая: страх перед дорогой и путешествиями, которого он до того не испытывал. Так, матери Гоголь пишет в конце сентября: «Поздравляю вас и обнимаю от всей души, почтеннейшая, добрейшая моя матушка, и вас также, милые сестры. Бог да ниспошлет вам, что нужно для спокойствия и счастья прочного! До самых сих пор все думал, что как-нибудь изворочусь с своими обстоятельствами и попаду к вам. Но как экономно ни рассчитывал, всё видел, что поездка моя в Крым не по возможности и деньгам» (XIV, 253). И спустя несколько дней сестрам и матери вместе: «Не удалось мне с вами повидаться, добрейшая моя матушка и мои милые

⁷ О том, что не одно нездоровье оказалось тому причиной, косвенным образом свидетельствуют воспоминания А. С. Данилевского. Ср. описание его посещения Гоголя в Москве в этот период: «На верхней части конторки были положены книги и тетради; на ее покато́й доске, обитой зеленым сукном, лежали раскрытые, мелко исписанные и перемаранные листы.

— Не второй ли том „Мертвых Душ“? — спросил, подмигивая, Бодянский.

— Да... иногда берусь, — нехотя проговорил Гоголь, — но работа не подвигается; иное слово вытягиваешь клещами.

— Что же мешает? У вас тут так удобно, тихо.

— Погода, убийственный климат! Невольно вспоминаешь Италию, Рим, где писалось лучше и так легко. Хотел было на зиму уехать в Крым, к <Вл. Макс.> Княжевичу, там писать, думал завернуть и на родину, к своим, — туда звали на свадьбу сестры, Елизаветы Васильевны... <...>

— За чем же дело стало? — спросил Бодянский.

— Едва добрался до Калуги и возвратился. Дороги невозможные, простудился, да и времени пришлось бы столько потратить на одни переезды. А тут еще затеял новое полное издание своих сочинений» (Данилевский Г. П. Знакомство с Гоголем. С. 438–439).

сестры, нынешней осенью. Уже было выехал из Москвы, но, добравшись до Калуги, заболел и должен был возвратиться. Нервы мои от всяких тревог и колебаний дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна. Видно, уж так следует и угодно богу, чтобы эту зиму остался я в Москве. *На прожитье в Крыму вряд ли бы достало средств»* (XIV, 253–254; письмо от 3 октября 1851 г.). В написанном в тот же день письме к С. В. Скалон удерживается лишь вторая мотивировка: страх перед путешествием и расстроенные нервы: «Отправившись из Москвы неделей после вас, я на дороге заболел и должен был возвратиться опять в Москву. Нервы мои, расколебленные всякими тревогами, до того раздражились, что *дорога и езда, доселе всегда благотворно действовавшие на здоровье мое, теперь стали действовать совершенно напротив. Коляску, которую припас себе для езды в Крым, я решился отправить вам в Полтаву с тем, чтобы ее переслали матушке, которая, буде коляска понадобится сестре, передаст ей, а не то оставит в Василевке»* (XIV, 256).

В несколько затянувшейся истории двух гоголевских поездок в Крым (одной свершившейся, другой несвершившейся) примечательно то, что, во-первых, ни в первом, ни во втором случае по-настоящему ехать в Крым Гоголь не очень-то и хотел. А во-вторых, ни первая, состоявшаяся поездка, ни вторая, так и оставшаяся виртуальной, никакого особого впечатления на Гоголя не произвела и текста не породила. Крым как особое пространство, имеющее даже не поэтическое, а скорее мифологическое и вместе с тем геополитическое значение, возникает и исчерпывается у Гоголя в самом его первом цикле «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Зато в «Вечерах» крымская тема задается и разворачивается сразу в нескольких ракурсах. Один из них определяется тем, что Крым отчетливо предстает как «чужое» пространство — вражеская территория, которую соответственно и населяют враги. При таком рассмотрении крымцы (как называли в то время крымских турок и татар) оказываются в одной парадигме с ляхами, литвинцами и другим «заморским сбродом». Так, в «Вечере накануне Ивана Купала» историческое прошлое Малороссии описывается как борьба, в том числе

и с крымцами: «Какого народу тогда не шаталось по всем местам: крымцы, ляхи, литвинство! Бывало то, что и свои наедут кучами и обдирают своих же. Всего бывало»⁸. В Крым и Туречину собирается отправиться и Петрусь, чтобы «навоевать золота», которое позволит ему жениться на Пидорке. Примечательно, что в первой, журнальной редакции повести мотив крымцев звучал еще сильнее: Ивась, которого Пидорка посылала к Петрусию, вбегал к нему и «размахивал руками, как будто поражая нечестивые толпы крымцев и ляхов...» (269).

Данило в «Страшной мести» также воюет с крымцами: «Еще в прошлом году, когда собирался я вместе с ляхами на крымцев (тогда еще я держал руку этого неверного народа)...» — рассказывает он Катерине (198), причем речь идет о вполне конкретном историческом событии: о походе войска Петра Сагайдачного в союзе с Речью Посполитой на крымцев в 1620 г. С крымцами и турками как будто бы воевал и гость Копрян (он же страшный колдун).

Также и запорожцы доказывают Екатерине в петербургском эпизоде «Ночи перед Рождеством» свою сопричастность к борьбе против крымцев: «Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело Твою армию чрез Перекоп и помогло Твоим енералам порубать крымцев?» (178)

Статус героев, географически, политически или сюжетно связанных с Крымом, у Гоголя подчеркнуто двойственен, независимо от того, представлены ли они изначально как «свои» или же как «чужие». Отец Петруся, как сообщает рассказчик «Вечера накануне Купала», «и теперь на Запорожье», и по сюжетной логике повести в дальнейшем это отбрасывает тень на его сына. С другой стороны, несостоявшийся поход Петруся в Крым отчетливо рифмуется в повести с его походом в шинок и к дьяволу (Бисаврюку). В «Страшной мести» из Турецины⁹ возвращается страшный колдун. И в финале, увидев «чудного» всадника-мстителя, именно в Крыму мыслит он свое прибежище: «Вскочивши на коня, поехал он прямо в Канев, ду-

⁸ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2003. Т. 1. С. 101. Далее ссылки на этот том даются в тексте с указанием страницы.

⁹ Так в черновом автографе (443), в белой редакции — из Заднепровья, которое было частью владений Речи Посполитой.

мая оттуда через Черкасы направить путь к татарам прямо в Крым, сам не зная для чего» (212).

С некоторой натяжкой можно даже сказать, что в «Ночи перед Рождеством» крымский контекст речи запорожцев, которые помогли «порубать крымцев», рифмуется с появлением Потемкина, поданного Гоголем как причастного к нечистой силе (растрепанные волосы, косоглазие, входящие как составной элемент в гоголевское описание Потемкина, в восточнославянском фольклоре традиционно мыслятся как знак связи с миром нечистой силы¹⁰).

И все же если присмотреться повнимательнее, то очевидно, что пространство Крыма в «Вечерах» толкуется Гоголем далеко не однозначно как «чужое» и «нечистое». В самом деле, Крым в контексте «Вечеров» воспринимается одновременно и как «Турецина» («Туречина»), т. е. пространство врага, и как место обитания запорожцев, т. е., по сути, «свое» пространство. Это имеет совершенно конкретную историческую подоплеку: в 1708 г. часть запорожцев, считавшихся российскими подданными (Запорожье вместе с остальной частью Малороссии вошло в состав Российского государства в 1654 г.), выступив на стороне гетмана Мазепы против России, перешла на сторону крымского хана, что породило в народном сознании частую контаминацию Крыма, Запорожья¹¹ и Турецины¹². Именно это смешение Крыма и Запорожья, а также Турецины, то и дело дает себя знать в тексте «Вечеров».

В сущности, история Крыма — это в определенном смысле и история запорожских казаков, и тем самым история Украины.

¹⁰ См.: Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 674.

¹¹ Именно поэтому в первой половине XVIII в. запорожцы в России почитались врагами; всякого пойманного на границе запорожца вешали. Примирение произошло в 1733 г., когда казаки отказались выступать в защиту поляков против русских и была объявлена высочайшая императорская милость, а запорожцы дали присягу «отдать себя в вечную службу как верных подданных Российского государства» (см.: *Бантыш-Каменский Д. Г.* История Малой России, со времен присоединений оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 4. С. 277–278).

¹² Крым, бывший татарским владением с XIII в., в 1475 г. перешел в подданство Османской империи и лишь в 1783 г. присоединен к России под названием Таврида.

Соответственно крымский мотив содержит неявно поставленный Гоголем вопрос о малороссийской идентичности. Вспомним в этой связи известные строки Гоголя из письма к И. И. Срезневскому: «Если бы крымцы и турки имели литературу, я бы был уверен, что ни одного самостоятельного тогда народа в Европе не была бы так интересна история, как козаков» (X, 299; письмо от 6 марта 1834 г.).

Возможно, в этих исторических обстоятельствах следует видеть причину того, что в повестях цикла, хронологически наиболее приближенных к гоголевской современности, крымское пространство уже предстает как освоенное и одомашненное. В Крым «за солью и рыбою» ездят «обозники», которых в Малороссии называют «чумаками», что Гоголь дважды растолковывает в словариках, сопровождающих предисловия к первой и второй книге цикла. В «Заколдованном месте» отец рассказчика везет в Крым табак («Батько еще в начале весны повез в Крым на продажу табак», — 240) — вспомним обращение Гоголя к заведовавшему соляными промыслами Спасскому с вопросом, что лучше везти на продажу в Крым. Тогда Гоголь, по видимому, сам собирался выступить в роли чумака. Наконец, история благополучного возвышения головы, выбранного в провожатые, когда «блаженной памяти великая царица Екатерина ездила в Крым», и та история, которая случилась «с этой историей» (118, 219), казалось бы, окончательно придают у Гоголя пространству Крыма статус «своего».

Однако стоит вчитаться именно в эти тексты Гоголя, как будто бы наиболее благополучные в цикле «Вечеров», как оказывается, что и здесь Крым остается пространством весьма подозрительным. Так, злоключения попавшего во власть нечистой силы деда в «Заколдованном месте» происходят именно тогда, когда «батько» повез «в Крым на продажу табак» (в результате чего на хозяйстве остался один дед). Кроме того, его встрече с нечистой силой непосредственно предшествует появление чумаков, ехавших, как мы уже знаем, «в Крым за солью и рыбою». Но и голова, на которого крымская поездка императрицы отбросила тень славы, оказывается не только подвержен действию нечистой силы (которая потом, правда, дезавуируется как проделки парубков), но и сам описывается как имеющий непосредственный ее признак (косоглазие), что, в част-

ности, контекстуально сближает его с Потемкиным из «Ночи перед Рождеством».

Тема Крыма в «Вечерах» имеет две смысловые доминанты. Одна из них возникает в первой части цикла в связи с упомянутой в «Майской ночи» поездкой царицы Екатерины в Крым: именно с этого времени в русском культурном сознании возникает миф о малороссийской Аркадии. Во второй части цикла через мифопоэтическое осмысление Крыма в «Страшной мести» формируется другая доминанта: Крым предстает как пространство эсхатологическое, конец света, и в географическом значении (конец, край, граница), и в теософском смысле (чудесное разворачивание пространства, страшная месть — как Страшный суд, где все увидят все, что было). Ср.: «За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш» (211).

Это совмещение пространства аркадийного и эсхатологического, угаданное Гоголем в географически пограничном пространстве Крыма, во многом определило структуру «Вечеров», повторив известную мифологему «Et in Arcadia ego» — Аркадии как места, в котором уже побывала смерть¹³.

Возможно, что потому и оказался Крым биографически неинтересным Гоголю, что духовно он уже понял в нем слишком многое — и многое воплотил — еще до того, как стал собираться его посетить.

¹³ См.: *Panofsky E.* «Et in Arcadia ego»: Poussin et la tradition élégiaque // L'oeuvre d'art et ses significations: Essais sur les arts visuels. Paris, 1969. Ср. также полемику Гоголя с И. Кулжинским, идиллически освещавшим прошлое Малороссии в «Малороссийской деревне» (см. комментарий в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 627, 683, 725).